

Сергей Королёв

Сергей королёв сергей королёв сергей королёв сергей королёв сергей королёв

повторите небо • повторите небо • повто

Воймега

сергей королёв

повторите небо

Москва
«Воймега»
2011

УДК 821.161.1-1 Королёв
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К68

С. Королёв

К68 Повторите небо. — М.: Воймега, 2011. — 56 с. —
(серия «приближение»).

ISBN 978-5-7640-0118-0

Эта книга выходит в серии «приближение» — хотя формально дебютом не является. Для Сергея Королёва она стала третьей (два небольших сборничка выпущены в 1997 и 2000 годах). Её почти целиком составили стихи из дипломной работы, которую студент Литинститута Королёв готовил к защите. Но защититься ему не довелось. И сейчас — через пять лет после его смерти — мы включаем её в серию дебютных книг, в память о том, как тогда, пять лет назад, казалось, что в жизни Сергея Королёва всё ещё только начинается...

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© С. Королёв, наследники, 2011.
© С. Труханов, оформление, 2011.
© «Воймега», 2011.

«И совсем вдалеке...»

Зимой 2006 года погиб Сергей Королёв. Ему было неполных 26, но он успел стать поэтом. Сейчас, спустя пять лет после его трагической смерти, это отчётливо видно.

В 1997 Королёв поступил в Литинститут, через год вылетел. То ли из-за опьянившей свободы — ночные общагинские посиделки волнуют восемнадцатилетнего парня больше утренних институтских лекций, то ли из-за неразделённой любви. Отслужив в армии, снова вернулся — в семинар Галины Седых и Ольги Нечаевой. К этому времени у Сергея уже были две небольшие книжки, которые он называл «детскими», — выпущенные тиражом 100 экземпляров каждая на родине, в городке Бабаево Вологодской области. Тогда же в его стихах стали проступать темы смерти и безысходности. Однажды я упрекнул Серёгу (так его называли однокурсники) в неправде. Мол, стихи беспросветны, а я в эту беспросветность не верю: в жизни Серёга не такой. Он и правда был не таким, как его последние, гибельные стихи, — балагуром и шутником.

Поэтическое открывается на сочетании несочетаемого. В стихах Королёв легко и непринуждённо совмещал окурки и небеса. И грязь и красота у него не обсуждались в понятиях хорошо это или плохо — они есть, они сама жизнь. При этом, видя и зная всю неприкрашенность жизни, Королёв чувствовал звёзды над головой.

Второй раз он вылетел из института, кажется, в 2004. Потом его восстановили на курсе, но жить в общагу больше не пускали. Он вернулся в Бабаево. Приезжал на сессии, хвастался, как здорово научился валить лес. В последние месяцы перед дипломом снова перебрался в Москву. Пытался найти работу, снять жильё — не получалось. Знакомые устроили его на ипподром — никакой, даже самой тяжёлой работы Серёга не боялся. На ипподроме он ухаживал за лошадьми, там и жил — в маленькой, больше похожей на складское помещение комнате с металлическими ящиками вместо шкафов и деревянным настилом вместо кровати.

Там обдумывал последние — самые безнадежные и неотвратимые — стихи. Работавший вместе с ним ветеринар рассказывал, что однажды, проходя мимо Серёгиной каморки, увидел, как тот стоит на табурете и прилаживает к потолочному крюку сбрую. Заметив, что за ним наблюдают, Серёга как ни в чём не бывало улыбнулся, спрыгнул с табуретки и принялся читать книгу.

«Беспокойно сегодня моё одиночество», — писал в 1930 году Георгий Иванов, значимый для Королёва поэт. Одиночество осенью 2005 стало для Сереги не только беспокойным, но и повседневным. Но даже при всей этой потерянности он пытался обосновать, что жизнь всё-таки неплоха и тоска недопустима. Эту мысль он мог уложить в строгую форму сонета — теза, антитеза, вывод.

Мы переждали и взошли, как зёрна:
У бабки народилась мать моя,
А после внучек — это, значит, я;
У бабушки был дом фугаской взорван,
Расстреляна, рассеяна семья...
Чего же я хандрю, щенок позорный?

Но тоска и безысходность не поддаются логическому объяснению, и стройность сонета не снимает противоречия. Лирический герой пытается убедить себя — но почему-то не получается. Не получилось и у Серёги. 14 января 2006 года Сергей Королёв навсегда возвратился туда, откуда пришёл и принёс свой первобытный и неприкаянный талант.

В эту книгу вошли — за исключением нескольких — стихи из его литинститутской дипломной работы. На семинарском обсуждении в декабре 2005 года многие из них произвели на присутствующих сильнейшее впечатление. Казалось бы, всё только начинается...

Александр Переверзин

Маятник

• • •

Город сине-серый,
Как бушлат мента.
От осенних скверов —
Та же тошнота.

Но ларьки пивные
И церковей шатры —
Святят как иные,
Высшие миры.

Мне туда не надо:
Я не дожил дня.
Время листопада,
Мрака и огня!

Огоньки и листья
Катятся во тьму...
Неуч я молиться:
Трудно одному —

Или духу мало?
Верить в Божий свет —
Тьма его объяла?
Или — нет.

ПЫЛЬ

1.

Для чего ты, маленький, хотел
Подсмотреть, на цыпочки привстав,
Озарённый танец смертных тел
В жизни, что загадочно-проста?

2.

Заблудившийся в своей судьбе,
Оглянись на мир, что посетил, —
И признай в неведомом себе
Пыль от пыли золотых светил...

3.

Есть любовь, пока душа в цвету
И сырой прохладой не сквозит, —
И стоишь в луче, как на мосту,
Высоко и высшего вблизи.

4.

— Может быть, недолго греть лучу?
Может быть, возьмут и отсекут?.. —
Лишь произнесу — и замолчу,
И свалюсь под тяжестью секунд.

• • •

Если судить по бабкам да по дедам,
Так жизнь моя не пройдена на треть;
Они не торопились умереть,
И я не тороплюсь за ними следом.

Теряя счёт волнениям и бедам,
Под пулями сгибаясь до земли,
Они порой ложились и ползли —
Но выползали к славе и к победам.

Мы переждали и взошли, как зёрна:
У бабки народилась мать моя,
А после внучек — это, значит, я;
У бабушки был дом фугаской взорван,
Расстреляна, рассеяна семья...
Чего же я хандрю, щенок позорный?

• • •

Перед культом богов и героев
Неприлично считаться в живых;
Не гордиться своим геморроем
За отсутствием ран ножевых,
Пулевых и подобных отверстий,
Почитаемых всюду людьми,
Приходящими порознь и вместе
Порыдать над гнилыми костями
Незнакомцев и единокровцев,
Убежавших от брачных сетей,
Притаившихся в виде уродцев
И пугающих этим детей,
Что дразнили облезлую кошку —
А она напрягала крестец
И скребла по могилке ладошкой:
— Глубоко ли закопан мертвец?

• • •

Больше не будешь меня поднимать среди ночи:
Образ и голос твой в памяти спящего стёрты,
Облик разъят, ледяной темнотой оторочен —
Кажется канувшим в каменном холоде мёртвых.

В мире живых, круг сует в суете совершая,
Не приближайся ко мне, точно радиус к центру.
Будь между мной и ничем: никому не мешает
Тел удалённость — бездушная близость бесцельна.

Наша полярность поможет почти обессрочить
Миг узнавания в тёмных и узких воротах.
Помни о нём и меня не тревожь среди ночи.
Днём и подавно: деньские стесняют заботы.

рай Чингисхана

Звёзды ждали, что ветер ночной
Разметает снега в полях,
Молча слушали хруст стальной —
Так, вращаясь, скрипит Земля.

Я как камень озяб к утру
От бессмертья в твоей степи.
Степь закончится — я умру:
Это должен ты уступить!

Я напрасно тебя кричал —
Ты придуман самим собой.
Окровавленных стрел колчан
Ты рассыпал моей судьбой!

Лишь забрезжит по краю смерть —
Изнемогут ветра свистеть,
На оси сотрясётся твердь
От дробящихся там костей.

Я хотел побежать бегом —
Копья белые в грудь вошли!
Заколдованный снег кругом...
Несмолкаемый скрип Земли.

• • •

Холодно в твоём средневековье.
Я здесь не останусь навсегда.
Не согреться ни огнём, ни кровью,
Хоть бы все сгорели города,

Хоть бы все извели сраженья
Сердце алчное и злая длань...
Всё одно: ущелье, окруженье,
Без дыханья рыцарь Хруодланд.

Суть не важно, на каком ты свете
Предан другом, поражён мечом...
Стоит лишь живому умереть — и
Снится жизнь.
Недолго.
Ни о чём.

• • •

Что вы, струны, что вы, струны,
Не поёте для свиной?
Где Бояны и Перуны
И дела минувших дней?
Во саду ли, в огороде?
Все, смеясь и колобродя,
По могилкам разбрелись.
Только мы бряцаем миру:
Ты дурак да я дурак,
Как ни строим спьяну лиру —
Получается никак!
Вот допьём свои бутылки
И, ненужный бросив труд,
Заберёмся под могилки —
И тогда нас позовут!

• • •

Кому — в унылом карауле
влачить служилую тоску
и ждать, когда родная пуля
перебежит через реку:
закроет очи, поцелует,
повалит и прижмёт к траве —
и запоёт и заворкует
в пробитой настезь голове.
Веди усталого солдата
в замысловатые края,
где ни тоски, ни автомата,
ни потной сбруи бытия.

• • •

Много одинаковых красавиц,
Много одинаковых красавцев —
Что идут, асфальта не касаясь,
Ниже их достоинства касаться
Жизни неразбавленно-реальной
И не отдаваться жизни даром —
Но идти с улыбкою журнальной
По весенним глянцевым бульварам,
Над чужой бедой неутолимой,
Высоко над смертной угрозой
И нести безликим-нелюбимым
Тоже одинаковые розы.
Повезло иметь глаза пустые
Цвета бледного спитого чая —
И прожить как птицы и святые,
Не касаясь зла, не замечая.

• • •

Свободу некуда девать:
она *не влазит* в ворота;
она желает убивать —
и не приучена работать.
У ней особенная стать,
не поминай Свободу всеу,
ей лучше не существовать —
и вот она не существует.

• • •

Когда героев не останется,
Когда последние уйдут —
Наверно, так же дворник-пьяница
Дорожки выметет в саду;
Подышит на ладони медные,
Ещё покурит-подождёт,
Окинет местность оком медленным —
И кучи листьев подожжёт.
Они займутся жёлтым пламенем
И будут пламенем цвести —
Кому теперь идти под знаменем?
Куда под знаменем идти?
Земля бездетная валяется,
Стоит единственный живой
Дурак с метлой — и ухмыляется
Героем третьей мировой!

• • •

Время гниёт в старых часах.
Нет ни минуты на ерунду.
Мне — исчезать, тебе — исчезать,
Повремени — и я обожду.

Надо забыть про земное гнильё,
Чем-то заняться на целую жизнь.
Мается маятник, колокол бьёт,
За паутиною стрелка дрожит.

— Если разбиты твои корабли
Там, на зубастых камнях, на мелях...
— Значит, я шагом пойду до земли!
— Если когда-нибудь будет земля.

Колокол, колокол! бьёт ни по ком!
Всех утонувших разбудит на дне.
По морю, по морю — только пешком!
— Как малoverы пройдут по воде?

• • •

Хорошо бы в родимом колхозе...
Хорошо, кабы если бы не
Опрокинутый трактор в навозе
С трактористом, утопшим в говне.
В беспробудном селе и суровом,
Где собаки не спят на цепи, —
Хорошо, если дети здоровы,
Хорошо, чтобы отчим не пил.
Хорошо... А иначе как птице
На скалистом пустом берегу:
Не спастись, не найти покормиться,
Но легко умереть на снегу.
Никакие не «вечные своды» —
Там суглинок да камень тяжёл,
Да дремучая темень природы,
Из которой однажды пришёл.

Бытописание

• • •

В провинциальных страшных городах
Колючими крещенскими ночами
(Где фонари горели не всегда,
А что горели, рано отключали) —
По всей вселенной делалось темно,
И ветхий дом в пространство уносило,
И думалось, что смотришь не в окно,
А в чью-то незарытую могилу.
И только печь пугала мертвецов,
И бабушка тесней к огню держалась —
Какое бы дремучее лицо
На аспидном стекле ни отражалось.
Я верю: это было в старину!
И в то, что снова повернётся детством
Большая жизнь: я запросто стряхну
Невинную задумчивость младенца —
И повторится вечное кино,
Где бабушка с седыми волосами,
И после жизни мы в своё окно
Из смерти в жизнь заглядываем сами.

бытописание

Он выпивши — она не спавши —
Скандалят — их уgomонят.
Соседи, совесть потерявши,
Уже в милицию звонят.
Менты потопчутся в прихожей,
Посмотрят в пол и в потолок —
У них всё так же и всё то же...
Едва уедет «козелок» —
Обнимутся, заплачут оба,
Она — Дюймовочка, он — жлоб,
Останутся любить до гроба —
И загонять друг друга в гроб.

• • •

он поставлен в околотке
чучелом на огород
красной харей хриплой глоткой
лигурировать народ

он стоит неотрезвлённый
с позапрошлого утра
и как будто свет зелёный
подавать ему пора

и давно да он всё медлит
озирается совой
и вращает оком медным
по и против часовой

пешеходы чуть не в драку
надувается скандал
мент зелёную собаку
на проезжей увидал

ни с помойки ни с забора
посторонним не видна
на него из светофора
злобно лаяла она

трали-вали жили-были
воет скорая вдали
пешеходы позвонили
санитары увезли

• • •

Не ест корова одуванчики —
Предпочитает клевера,
Аристократка. Вон и мальчишки-
Подпаски. С раннего утра
Опохмеляются — стаканами!
Утробно воют и рычат —
Они уже неделю пьяные
И стали вроде лешачат...
Спасибо, видели и слышали,
Что не скудеет край родной!
Я прочь отправился и вышел
На кладбище. Над головой
Ворона пасть свою раззявила:
Мол, тоже выпью, как займу, —
За то, как сельские хозяева
Ушли безропотно во тьму,
Как честно прожили-закончили
Свою бесхитростную жисьь...
Дин-дин — по лесу колокольчики —
Ага, коровы разбрелись!

• • •

Побежала метла по плевкам,
По окуркам да по листве.
Вася — гений. Значит, пока
Вася дворничает в Москве.

В чём он гений? — Не знаю в чём.
Верю: гений — и хорошо.
Тускло временем освещён,
Сам не знает, зачем пришёл.

Хоть Тверская и не Бродвей,
Даже вовсе в другой степи —
Вася пьёт на Тверской портвейн,
На Бродвее бы — виски пил.

И, шатаясь, под чей-то смех
Ковыляет в сырую тьму
Бедной дворницкой — прочь от всех,
К вдохновению своему...

Ну-ка, солнышко, припекай!
Ну-ка, дождик, опишай сквер!
Стой же, гений, с метлой в руках
Или с пивом в тени ларька —
А не памятником в Москве!

• • •

Мыши веруют в Кота,
Молятся Капкану —
Кладовая их пуста,
Аще тараканы
Убежали с глаз долой
От такой облавы,
И кладёт хозяин злой
По углам отраву...

Незаметно по ночам
Сходятся под печкой,
Поклоняясь и шепча,
Молятся без свечки —
Чтобы этот грозный Кот,
Кот на Печке Сущий,
Пощадил бы их живот,
Дал сухарь насущный.

• • •

И берётся Юра Серебряник
За свою верижную метлу...
Глаз его блестит, как подстаканник,
На аршин рассеивая мглу
Злого дыма от лесных пожаров,
Что клубится над добром и злом,
Над земным дурачки-круглым шаром...
Юра тоже машет, как веслом!
Как скинхед на дизельной пироге,
Он плывёт в окутавшем дыму
По бычкам и листьям на дороге...
Сигарету Юре моему!
В сигаретной синей струйке дыма
Видит Юра контуры лица
Своего начальника Ефима:
— Хорошо работаешь, пацан! —
Говорит лицо из струйки дыма
И, качаясь, тает до конца —
Так что скоро рядом ни Ефима,
Ни его блаженного лица!

• • •

Ветеран ВОВ Н. Потапов —
Он за Родину в танке горел,
И в бараках Освенцима прел,
И у наших пошёл по этапу —
В общем, много чего посмотрел...
Изработался и постарел —
И его позабыли, как тапок
За диваном; всё как у людей:
Светлый праздник Девятое мая,
И единственный орден надраен...
С килограммом говяжьих костей
Кривулями московских окраин
Он бредёт, как та-ра-рам хозяин
Необъятной та-та-та своей.

• • •

Бабки с нашего двора
Все поумирали.
Растащила детвора
Брошки и медали,
Приезжали сыновья
Продавать квартиры —
Жизнь у всякого своя,
Продолжение мира.
Мир обходится без вас,
Добрые бабуси.
И без них, неровен час,
Внуки обойдутся.
Кофты-платья износить,
Жить грядущих ради —
И забыть, и не просить
Небо о пощаде.

• • •

над бабаевским вокзалом
далеко
тепловозов маневровых
голоса
семафоры
темнотой заволокло
и натружены бессонные глаза
машинистов
что увидят через миг
этот город
умещается в окне
вот и я
к стеклянной наледи приник
отражаясь в темноте
как в глубине
темноты не переплыть
не зачерпнуть
у неё ни островов
ни берегов
слишком многие пускались в этот путь
следом не было
ни всплеска
ни кругов
и не знали
темнота или вода
их следы одолевала на земле
отражение пребудет навсегда
замерзать-мерцать-оттаивать
в стекле

Рыба-Нюхтя

• • •

«Дядя Коля был тоже чужак:
Слишком рано убрался со свету...»
Я подумал о нём просто так,
Фотографии тех, кого нету
Из родни, кого нету в живых,
В деревенском альбоме листая,
Элегантно грустя: что же вы,
Как по саду листва золотая,
Улетели — не знаю куда?
Растворился и запах домашний,
И без вас замерзает вода,
И без вас согревается пашня...
Две «на память» поблёклых строки,
Мертвецов залихватские позы —
Скоморохи мои, дураки!
Ничего не пошло вам на пользу:
Пили водку, любили девиц,
По волкам заряжали картечью...
Ваши фото похожи на птиц
Непонятною музыкой-речью.
Вспоминаю вас издалека,
Ваши руки, размытые лица —
Память вечна, земля глубока,
Жизнелюбцы и самоубийцы.

• • •

За тобой и за мною придут:
Я уже напрягаюсь и жду.
Наверху вычисляют маршрут
И звезда вызывает звезду:
— Не бросай меня. Слышишь? Ответь!
Но широк пустоты мавзолей
И высок одиночества мост;
Но теряются звёзды в траве,
Но теряются травы корнями в земле,
А Земля затерялась меж звёзд.

• • •

Медленно перетекает в память
Жизнь — и станет памятью совсем.
И ложится в чемодан с клопами
Под сакральной цифрой 37.

...Ползали на джипах злые твари
И не замечали нас двоих:
Мы сидели на Тверском бульваре
С ангелом, отставшим от своих.

Вместе пропивали его крылья.
Это было... самый первый год
Путин вёл в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

...Свет над зеленеющим поэтом,
Роскошь ни о чём не вспоминать —
Время прорастёт всему ответом,
Время даст другие семена.

• • •

Я стал прозрачней и грустней:
Пустое зеркало не врёт.
Я начал думать по весне:
Когда же осени черёд.
Ходить-бродить незнамо где,
Ногами листья ворошить,
Прощаться с миром всякий день
И лишь с деревьями дружить.
Деревья нищие, как я, —
Но перебьёмся, ничего!
Такая славная семья:
Они не любят никого.
Они живут безвестный век,
Качают лапами внучат
И терпят дождь, жару и снег,
Живут — и боль свою молчат.

• • •

Когда-то поэты
Ходили попарно...
Встречали рассветы
За стойкою барной;

Зимой на извозчиках
Кутались в бурки,
В метели полнощного
Петербурга...

Мы здесь уже были.
С тобой уже пили.
И крейсера плыли,
И церкви звонили —
Кого-то венчали или хоронили.

Мы были поэты.
Младенцы, эстеты...
И, впредь оставаясь уже без ответа,
Меня окликает знакомое: где ты? —
Бессильное эхо нездешнего света.

• • •

Это чьи-нибудь семнадцать лет:
Вечный город мой и мост висячий,
Небо и крадущийся рассвет...
И никто ещё не накосячил
В жизни! и безвинны на миру.
— Повторите небо! повторите! —
Это я трагически ору,
Задремавший в кинозале зритель.
Но не повторяют ни черта.
А меня швейцары разбудили:
В зале гробовая темнота,
Фонари и дождь на Пикадилли.

• • •

Где твой сын? и дерево где твоё?
Ни о чём не спрашивай дурака.
Птица вон, безделица — а поёт!
Стал бы — и заслушался на века.

Хорошо искуснице-птице петь,
Байкать-убаюкивать мир больной
И меня, застывшего на тропе...
Я пройду по родине стороной.

От меня останется порошок.
Я венец не требую золотой,
Оттого — не всё ли мне хорошо?
Благодарен, значит, будь и за то,

Что коснулся малого божества
И тобой набросаны десять строк...
Но тебе подарены — все слова,
Даже если голос твой — голосок.

• • •

Больше мы не посидим
За бутылками портвейна —
Ты пускаешь синий дым,
Я молчу благоговейно,
Не прочтём стихи свои,
Ты да я, поочерёдно...
Глупо жить как соловьи,
Как поэты — старомодно.
Будь стряпуха и жена,
Будет муж и будет дача, —
Гонит ветер времена,
И глаза от ветра плачут
И мутятся, как стекло.
Оставайся за чертою:
То, что было и прошло, —
Чем не время золотое?

• • •

Я твою землю проходил плугом,
Я пробирался в твою ночь воров.
Мы коротаем вечность друг с другом,
Сейчас мне двадцать, через день — сорок:
Взведён немедлящий боёк — время,
Ты затаился и прицел движешь,
Ты — бережлив и не даёшь премий,
Я — шаг за шагом становлюсь ближе
К берлогам тех, кто не имут сраму...
Ты остаёшься — свежевать славу,
А мне утеха: я не весь — в яму,
И нам с тобой в одной воде плавать.

• • •

Дождь, и синие фонари,
Словно мыльные пузыри,

Тихо тают, пока ты спишь...
Наигрался ими малыш —

Или взрослый уже давно? —
И другое видит кино —

Про меня или про кого...
И не смыслит в нём ничего:

Как любил тебя? Потерял?
И в безвремении застрял,

И брожу меж вас мертвецом
С улыбающимся лицом.

• • •

Птичка Божия узнает
Много разного всего.
А вернётся — не узнает
Даже дома своего.

Где летала, где бывала?
Надышалась дымом зла —
И до времени устала...
Видит — пепел и зола,

Нет земли — назвать своею.
Ночь. Бездомный скрип телег.
Звёзды корчатся над нею...
Будет старость, будет снег —

И взглядится, не мигая,
В наползающую тьму —
Всё ещё не постигая
Смерти вечную тюрьму.

Только время ковыляет
Без заботы и труда.
— Птичка Божия не знает?
Замолчите! Ерунда.

• • •

Обнимая в ночи нелюбимых своих —
вспоминаем любимых своих:
далеко за морями огней городских
мы оставили их.

И теперь не учи меня жить по уму —
лучше мне навсегда одному.
Но позволь, напоследок тебя обниму —
перед тем как во тьму.

• • •

Рыба-Нюхтя плыла по озёрной реке,
Рыба-Нюхтя плыла по реке;
И несла Рыба-Нюхтя в прозрачной руке
Мышь в пустом узелке...
И запутались мысли в моём дураке,
Пали силы в силке —
И не держит дурак ни перста на курке,
Ни червя на крючке:
Рыба-Нюхтя резвится в башке — в дураке
И совсем вдалеке.

• • •

Хорошо, если вместе умрём.
Не хочу без тебя доживать.
Поседевшие стол и кровать —
Даже пыль нас запомнит вдвоём.
Берег неба зажжёт маяки,
А по берегу — он и она —
Как улитки, бредут старики,
И вот-вот их подхватит волна.
Что на память тебе подарю?
Что имею — давно не моё.
Не о смерти с тобой говорю,
Но о чём-то важнее её.
Если всех растворяет поток,
Я с тобой непременно сольюсь.
Я боялся, что будет «потом», —
А теперь ничего не боюсь.

• • •

Миллионы одиночеств:
Чья-то кухня, свет и чай.
Ветер! ветер! к ночи, к ночи
Зыбку плача раскачай!

Буду плакать и качаться,
Таять в мире, убывать...
Никого не достучаться.
Никому не открывать.

«Я не дожил дня...»

Это третья по счёту книга талантливого северянина Сергея Королёва. Первый сборничек лирики, изданный мизерным тиражом в Вологодской области в 90-х годах прошлого века, он представил на творческий конкурс в Литинститут, в который и был зачислен в очень юном возрасте — ему тогда было неполных 17 лет.

Это чьи-нибудь семнадцать лет:
Вечный город мой и мост висячий,
Небо и крадущийся рассвет...
И никто ещё не накосячил
В жизни! и безвинны на миру.

Что случилось потом? Где «накосячил»? Почему армия, родной колохоз, лесоповал, дворницкая, униформа охранника — про то читатель узнает из Серёжиных стихов. А ещё — многое узнает о его друзьях и родных, которые «живут и боль свою молчат», о родном городке Бабаево на Вологодчине, о том, как «не дожил дня» и «в безвремении застрял».

Защита диплома планировалась на весну, всё шло своим чередом: сессия, семинары, зачёты, лекции, предзащита. Обычный график работы студента выпускного курса. И вдруг!..

— Повторите небо! повторите! —
Это я трагически ору...
Но не повторяют ни черта...
...В зале гробовая темнота...

Я нисколько не сомневаюсь, что, доведись ему защититься, это была бы блестящая, безоговорочная победа. Но в реальной жизни всё случилось не так, как планировалось и предполагалось. В январе 2006 года Сергей Королёв добровольно ушёл из жизни.

Этот совершенно очевидный факт до сих пор не укладывается в моём сознании («Всё ещё не постигая смерти вечную тюрьму»). Тяжело говорить в прошедшем времени о полном жизненной энергии двадцатипятилетнем человеке. Спустя пять лет в его уход не хочется верить. Да и сам он в такое не верил: «Мне туда не надо, я не дожил дня»:

Если судить по бабкам да по дедам,
Так жизнь моя не пройдена на треть;
Они не торопились умереть,
И я не тороплюсь за ними следом.

Хотя, как я сейчас ясно вижу, всю свою недолгую жизнь Сергей как будто бы пытался писать завещание-предупреждение: друзьям, родным, любимым. Всем-всем-всем...

Никакие не «вечные своды» —
Там суглинок да камень тяжёл,
Да дремучая темень природы,
Из которой однажды пришёл.

Для Сергея это было априорное знание. Прошлое без будущего, вечное без иллюзий.

Природа была щедра к Сергею. Она одарила его не только талантом стихотворца, но и физической силой. Я вспоминаю — в нём всё было замысленно красиво. И даже избыточно красиво, как у чеховского идеального человека. Сергей запоминался сразу же, с первой встречи, и после не терялся в памяти — ни внешностью, ни характером, ни стихами. Не терялся даже в пёстрой студенческой компании. Я помню профиль римского легионера, нос античного атлета, вечный камуфляж, чуть грассирующий выговор, как у русских эмигрантов первой волны. И эта странная манера — при разговоре смотреть прямо в глаза (не мигая, но и не видя), сквозь и мимо собеседника. От всего этого веяло таким холодом одиночества. Ещё помню, что Сергей обладал недюжин-

ной силой и вспыльчиво-отходчивым характером, он был остроумен и сосредоточен и, как я сейчас понимаю, очень уязвим и абсолютно неприспособлен к тому, что называется «большая жизнь».

Я верю: это было в старину!
И в то, что снова повернётся детством
Большая жизнь: я запросто стряхну
Невинную задумчивость младенца —
И повторится вечное кино...

Не повернулось, не стряхнуть, не повторится. Жизнь слишком сурова, чтобы быть неправдой вечного кино.

Сергея Королёва очень ценили все, кто его хорошо знал. За талант, бессребреничество, за неведомую внутреннюю тайну, которую он навсегда унёс с собой. Унёс Туда —

Где бабушка с седыми волосами,
И после жизни мы в своё окно
Из смерти в жизнь заглядываем сами.

Воистину прав великий Лорка, говоривший о том, что самая печальная радость — быть поэтом, всё остальное — неважно. Сергей был и остаётся Поэтом.

Галина Седых,
руководитель семинара поэзии
Литературного института
им. А. М. Горького

содержание

Александр Переверзин. «И совсем вдалеке...» 3

Маятник

«Город сине-серый...»	7
Пыль	8
«Если судить по бабкам да по дедам...»	9
«Перед культом богов и героев...»	10
«Больше не будешь меня поднимать среди ночи...»	11
Рай Чингисхана	12
«Холодно в твоём средневековье...»	13
«Что вы, струны, что вы, струны...»	14
«Кому — в унылом карауле...»	15
«Много одинаковых красавиц...»	16
«Свободу некуда девать...»	17
«Когда героев не останется...»	18
«Время гниёт в старых часах...»	19
«Хорошо бы в родимом колхозе.....»	20

Бытописание

«В провинциальных страшных городах...»	23
Бытописание	24
«он поставлен в околотке...»	25
«Не ест корова одуванчики...»	26
«Побежала метла по плевкам...»	27
«Мыши веруют в Кота...»	28
«И берётся Юра Серебряник...»	29
«Ветеран ВОВ Н. Потапов...»	30
«Бабки с нашего двора...»	31
«над бабаевским вокзалом...»	32

Рыба-Нюхтя

«Дядя Коля был тоже чудак...»	35
«За тобой и за мною придут...»	36
«Медленно перетекает в память...»	37
«Я стал прозрачней и грустней...»	38
«Когда-то поэты...»	39
«Это чьи-нибудь семнадцать лет...»	40
«Где твой сын? и дерево где твоё?...»	41
«Больше мы не посидим...»	42
«Я твою землю проходил плугом...»	43
«Дождь, и синие фонари...»	44
«Птичка Божия узнает...»	45
«Обнимая в ночи нелюбимых своих...»	46
«Рыба-Нюхтя плыла по озёрной реке...»	47
«Хорошо, если вместе умрём...»	48
«Миллионы одиночеств...»	49
Галина Седых. «Я не дожил дня...»	51

Книги, выпущенные и планирующие
к выпуску в издательстве «Воймега»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко» • **Алексей Тиматков** «Воздушный шар»
• **Андрей Чемоданов** «Совсем как человек» • **Всеволод Константинов**
«Седьмой путь» • **Александр Сорока** «Тутырь» • **Александр Максимов**
«Новый год-II» • **Александр Переверзин** «Документальное кино» •
Михаил Свищёв «Последний экземпляр» • **Мария Тиматкова** «Настоящее
имя» • **Светлана Бунина** «Удел цветка» • **Ната Сучкова** «Лирический
герой» • **Андрей Щербак-Жуков** «Дневник наблюдений за природой» •
Денис Новиков «Виза» • **Ирина Ермакова** «Улей» • **Ян Шенкман** «Скоро
придёт конец птице, оглохшей от собственного пения» • **Григорий Кружков**
«Новые стихи» • **Александр Тимофеевский** «Размышления на берегу
моря» • **Андрей Василевский** «Всё равно», «Ещё стихи», «Плохая физика»
• **Игорь Меламед** «Воздаяние» • **Инга Кузнецова** «Внутреннее зрение»
• **Лета Югай** «Между водой и льдом» • **Вадим Муратханов** «Испытание
водой» • **Юлиана Новикова** «Песок» • **Иван Волков** «Стихи для бедных»
• **Юлий Хоменко** «Восьмое небо» • **Светлана Хромова** • «Память воды»
• **Сергей Королёв** «Повторите небо» • **Андрей Чемоданов** «Я буду всё
отрицать» • **Ната Сучкова** «Деревенская проза»

Некоторые из этих книг можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25

«**Фаланстер**», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

«**Книги в Билингве**», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5

«**Гилея**», Тверской б-р, д. 9.

Сергей Королёв. Повторите небо.

редакторы:

А. Переверзин, О. Нечаева

дизайн серии и макет:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

автор фотографии – Э. Сухова

Формат 60x90 1/16

Тираж 500

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru

alkonost@inbox.ru

Сергей Королёв родился в 1980 году в городе Бабаево Вологодской области. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького, служил в армии, работал охранником, разнорабочим, вальщиком леса. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Дети Ра», «Литературная учёба», альманахе «Алконость» и других изданиях. Трагически погиб 14 января 2006 года.

королёв сергей королёв сергей королёв сергей королёв сергей королёв се
бо • повторите небо • повторите небо